

25 янв. 1978

Читатель интересуется

Уважаемая редакция!

Недавно я побывал в театре имени А. Навои и посмотрел одеоантный балет Равеля «Болеро». Трудно описать все те чувства, переживания, которые вызвала во мне эта прекрасная музыка. Я услышал в ней что-то очень близкое, родное. Хотелось бы подробнее узнать, какая есть связь между творчеством французского автора и музыкой Востока.

Студент Р. Пулатов.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Нас необычайно взволновало это короткое письмо в газету. В последнее время мы очень часто встречаемся с неподдельным интересом наших читателей к проблемам литературы, живописи, музыки.

Под рубриками «Глазами зрителя» или «Читатель рецензирует» мы с удовольствием публикуем небольшие материалы, в которых люди, казалось бы, совершенно далекие от мира искусства, высказывают свои впечатления, суждения, пожелания о

том или ином спектакле, выставке, понравившейся книге.

Такое и письмо студента Р. Пулатова. То, что подметил он, познакоившись с музыкой французского композитора, интересует и специалистов. Это проблема взаимобогащения различных национальных культур. Ответить на вопрос, волнующий нашего молодого читателя, мы попросили и. о. доцента кафедры истории музыки В. ПЛУНГЯН.

РАВЕЛЬ И МУЗЫКА ВОСТОКА

Известна мысль, высказанная однажды Шостаковичем: «Если бы не было музыки Хачатуряна, я бы, наверное, писал по-иному...». Такие же слова признания, но уже в отношении Равеля, могли бы сказать многие советские композиторы, и прежде всего представители восточных республик. В самом деле, влияние одного из крупнейших музыкантов XX века отчетливо проследивается в их творчестве.

Музыку Равеля чувствует и понимает самый неискушенный слушатель. Здесь можно было бы привести множество примеров. Но, пожалуй, достаточно ограничиться упоминанием того случая, когда во время пребывания в Марокко композитор услышал из уст местного жителя мелодию своего «Болеро». И это свидетельствует о том, насколько органично вошли в его творчество специфические черты различных национальных культур.

Первое знакомство с восточной музыкой состоялось у Равеля в четырнадцатилетнем возрасте, когда он,

будучи студентом консерватории, посетил Всемирную выставку, устроенную в Париже. Молодой Равель соприкоснулся тогда с искусством алжирцев, услышал своеобразный индонезийский оркестр (гамелан), посетил спектакли китайского, японского, вьетнамского театров. Все эти впечатления не прошли бесследно для глубоко восприимчивой натуры начинающего композитора. Очарование это он пронес через всю жизнь, дав миру великолепные образцы музыкальных произведений на восточную тематику.

Равель очень тонко ощущал колорит, национальное своеобразие различных музыкальных культур и все это чутко воспроизводил в своем искусстве. «География» его связей с Востоком была самой широкой. Композитор обращался как к азиатскому, так и к африканскому фольклору, о чем свидетельствуют в первую очередь такие произведения, как вокальный цикл «Шахерезада» (I часть — «Азия»), «Мадагаскарские песни».

Широко популярна симфоническая пьеса «Болеро». О темах своего произведения Равель говорил так: «...народные мотивы обычного испано-арабского рода». С колоритом музыки Востока произведение облекают богатство тембровых красок, завораживающая сила танцевальных ритмов, большое количество ударных инструментов, непрерывно повторяющийся ритмический рисунок.

Опыт французского мастера, в частности, художественные достижения его «Болеро», стали образцом разработки национального материала. Своеобразное преломление принципов этого произведения можно наблюдать и в творчестве многих советских композиторов.

«Равелизмы» прежде всего органично вошли в музыку А. Хачатуряна. Мироощущению армянского композитора оказались сродни жизненность и красочность мировосприятия Равеля. Черты равелевского «Болеро» особенно ярко проявились в отдельных эпизодах балета «Спартак».

Среди композиторов закавказских республик, чаще других обращающихся к традициям «Болеро» и других сочинений Равеля, следует назвать Г. Егиазаряна, Б. Квернадзе.

Влияние автора «Болеро» ощущается и в произведениях композиторов среднеазиатских республик, и в первую очередь — таджикской и узбекской. По-своему, на таджикской народной основе претворил принцип «Болеро» молодой композитор Ф. Бахор в симфонической картине «Мараканда». И не говоря уже о более широких связях, традиции только «Болеро» ощущаются в творчестве узбекских художников, мастеров различных индивидуальностей. Здесь можно назвать и Г. Мухелю, и С. Карим-Ходжи, и С. Хаитбаева.

Наиболее последовательно принципы «Болеро» воплощены в хореографической поэме С. Карим-Ходжи «Памяти М. Равеля». Это красочность оркестровой палитры с неизменным ритмическим рисунком у ударных инструментов, многоплановость оркестровой драматургии, непрерывное крещендо с кульминацией — вершиной в конце произведения.

Искусство Равеля близко и многим молодым узбекским композиторам — лауреатам премии Ленинского комсомола Узбекистана Д. Сайдаминовой и У. Мусаеву, а также Р. Абдуллаеву.

Уже в первую годовщину после кончины композитора Сергей Прокофьев писал, что в сочинениях Равеля есть «многое, чему следует учиться». С тех пор прошло сорок лет. Интерес к творчеству замечательного музыканта не только не ослабевает, но непрерывно растет. И нужно сказать, что далеко еще не изучен весь интернациональный опыт выдающегося мастера. Нет сомнения в том, что композиторы Узбекистана и впредь с особой заинтересованностью будут следовать «заветам» Равеля — крупнейшего художника современности, реально доказавшего огромную эффективность межнациональных культурных взаимовлияний.